

рассказ

*Индус
Сирматов*

51

Настины глазки

Когда стало известно, что мне предстоит командировка в те края, вдруг вспомнилась кряшенка Настя из деревни Светлое Озеро...

Эхма, давно ж это было!

Всё-таки интересный это народ – кряшены. У них не принято называть друг дружку тем именем, которым нарекли при крещении или записали в свидетельстве о рождении. Они как-то

так красиво их перевирают и произносят на свой манер – звучно и нараспев. Так, Николай по-ихнему будет Микулай, Алексей – Элюш, Пелагея – Палка, Екатерина – Кэти, Анастасия – Начти.

К дяде Петру мы тоже обращаемся по-кряшенски – Питэй-джизни, то есть зять Питэй. Тётю Веру называем Виркэ-джинги (джинги – это жена старшего брата или дяди).

Индус Сирматов – писатель, журналист, сценарист. Сорок пять лет проработал на телевидении, был главным редактором и ведущим популярной передачи о литературе и искусстве, снимал документальные фильмы и телеспектакли, многие из которых вошли в Золотой Фонд телекомпаний «Татарстан» и «Новый Век».

И. Сирматов – автор шести книг прозы. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей его новый рассказ о печальной любви между татарским юношей и девушкой-кряшенкой

Все они были жителями кряшенской деревни Светлое Озеро, которое с незапамятных времён появилось посреди татарских и башкирских аулов.

Поговаривали, что светлоозёрцы – переселенцы из Заинских краёв. И так как поблизости не оказалось ни одной русской деревни, кряшены вынуждены были общаться со своими ближайшими соседями – иноверцами. Русский язык они, можно сказать, не знали, однако веру православную сохранили. С давних пор их называют кряшенами, то бишь крещёными татарами. Такая вот, народная версия!

Так это было или не так – нас мало интересовало. Жили мы с ними дружно, хотя и молились разным богам!

Удивительно устроена наша память. Вот, стоило только моему начальству произнести конечный пункт командировки – название деревни Светлое Озеро, как в висках застучало, и тут же перед глазами, будто бы вспыхнул белый экран и затрещал миниатюрный кинопроектор. Я увидел с высоты клейких макушек берёз самого себя и мою Настю, а точнее, Начти. Как она там? Жива ли? Как сложилась её судьба? Времени-то с тех пор утекло, ой-ёй, сколько!

...В то утро мама разбудила меня чуть свет. Проснуться-то я проснулся, но потом опять рухнул в постель, как подкошенный. Всю ночь мы с пацанами пасли на дальних лугах коров, разошлись, когда уже небо светлело, и теперь от подушки пахло костром и клевером, а глубокий, как колодец, сон был продолжением тех небылиц и страшилок, которыми мы пугали друг друга.

Хочешь – не хочешь, а надо вставать – надо было идти с мамой к кряшенам за картофельными семенами.

Я побрёл к умывальнику, прибитому к некрашеной доске забора. Заранее знаю, что мама налила в него ледяной воды из колодца, чтобы я быстрее разогнал остатки сладких сновидений. В осколке зеркала вижу, как мама искоса наблюдает за мной. Если вид у меня и после колодезной воды останет-

ся сонным, она заставит поднять катык из погребка. Туда и обратно босиком – сон как рукой снимет!

Завтрак уже был на столе. Я зачерпнул деревянной ложкой из глиняной плошки густой катык, втянул в себя и тут же почувствовал, будто бы снежок упал в мой живот, а потом освежающий холодок пробежал по всему телу. Быстро умяв краюху хлеба, я выбежал на крыльцо. А мама уже стояла у ворот, и тележка была наготове.

– Айда, сынок, двинемся божьей милостью. Нужно поторопиться, пока прохладно...

Я взял у мамы тележку и побежал вперёд. Пока она догонит меня, искупаюсь в реке Сюнь. Вода ещё розовая, молочная с сонными стрекозами на стеблях, торчащих на поверхности, как поплавки удилиц. Я бреду, волоча за собой тележку, и поднимаю муть со дна. Кое-где встречаются неглубокие ямы, и тогда вода достигаает мне подбородка...

Теперь можно спокойно идти по жаре, пока штаны и рубаха не высохнут! Благодарать!

Вот и мама показала на противоположном берегу, она сняла лапти и, постепенно подбирая подол платья, вошла в воду...

Мы шагаем молча, каждый думает о своём. Мама, понятное дело, вся в заботах, идёт, не замечая цветов под ногами и не слыша пения птиц. Я же всё подмечаю...

Вот мы дошли и до Амекеевского луга. Ну и красотыца же здесь! Нескончаемо далеко тянется море цветов...

Цветы самые разные: жёлтые, жёлтые-прежёлтые, есть розовые, розоватые и красные, ярко-красные, как горячая кровь, поодаль видны голубые, ещё дальше небесно-голубые! Интересно, а как называется вот этот цвет? А тот? Я срываю один из них, самый необычный, и прячу в карман рубашки.

– Сынок, – окликает меня мама, – давай передохнём вон у того дерева?!

Кудрявая тень от дуба шевелится над нами, влажный ветерок обдувает голову. Кажется, что он спускается пря-

миком с вершин белоснежных облаков, стоящих в знойном небе точно горы волшебной страны. Если приглядеться, то можно различить башни замков и неведомых зверюшек...

Солнце раскалилось, как сковородка, брызгающая во все стороны маслом. Над потрескавшейся дорогой парит горячий воздух, с носа капает пот. Пятки обжигает, и я прибавляю шаг, пытаюсь вставать то на пяточки, то на носки. Потом минуты две отдыхаю, как жеребёнок, в спасительной тени придорожного куста. Ладно, у мамы лапти, и она вышагивает ровно, по самому солнцепёку, ступая по плоским, побелевшим на солнце камням. Я хочу спросить маму про тот самый цветок, что сорвал в поле, как он называется? Но во рту пересохло, и язык одеревянел...

– Потерпи сынок, – успокаивает меня она, – скоро Светлое Озеро. Ещё немножко... Лишь бы Питэй был дома

или Виркэ. У них картошка рассыпчатая!

Деревня кряшен уже мелькает сквозь белые стволы берёзовой рощи, вступив в тень которой идти становится легче. Срезав путь через балку, мы выходим на околицу и под ленивое тявканье дворовых собак идём по улице, пустой в этот обеденный час.

Наконец, мы у ворот Питэя-джизни. Высоченный дом из крепких сосновых брусьев, что редко встречаются в наших краях. По-кряшенски узорчатые карнизы, расписные оконные ставни. Выкрашенные разными цветами сплошные тёмные ворота – мы называли их урыс-капка, то есть русские ворота.

В узорчатое окошко выглядывает Виркэ-джинги и чуть ли не песню поёт, приветствуя нас.

– Ай, гуспеди, гуси идут! К нама што ли идёте? К нама, к нама, айда, айда, заходите-ка. Отведаете, чем бог послал.

Питэй, слышишь, Аниса наша прибыла со своим сорванцом. Встречай, говорю, выходи! Прямо к столу, как раз и картошка сварилась... Начти, молока принеси, катык там. Пиво подними с погреба. У кавалера, наверно, горло пересохло. Ах, какой красавец твой сынишка, Аниса! Где ты его так в пыли-то изваляла? Как ещё звать-то тебя, забыла я? Ах, да-да, Кабир. Иди, Кабир, умойся. Река Сюнь, пока дойдёт до вашей деревни, сначала мимо нас протекает, так что воды хватает и нам, и вам! Иди, сынок, помойся...

Болтая без умолку, Виркэ-джинги заводит во двор. На крыльце стоит, улыбаясь, готовый заключить нас в объятия, Питэй-джизни.

Конечно, никакие они нам не джизни и не джинги*, но мы их так называем, и это им нравится. В нашей деревне у каждой семьи есть свои джизни и джинги из Светлого Озера. И общаемся мы с ними как с родней!

Когда светлоозёрские кряшены идут на базар в Исаматово, они проходят через нашу деревню. Останавливаются, чтобы передохнуть. А иногда даже приходят с вечера, переночуют и рано утром отправляются в Исаматово торговать. У кряшен всегда есть чем торговать. Свеклу, морковь, огурцы, лук выращивают и продают только они. У татар на огородах эти овощи появились гораздо позднее...

Питэй-джизни спустился с крыльца и протянул мне руку.

– Мой друг Кабир, что ли пришёл? Ну, здравствуй, приятель! Здравствуй, Кабир!

– Здравствуй, Питэй-джизни! Только я не Кабир, а Хабир!

– А я так и говорю: Кабир!

Перед тем, как войти в дом и сесть за стол, я ополоснулся с головы до ног, и усталость как рукой сняло. Эх, чего ещё нужно, если на столе стоит горячая, разваристая картошка и холодный, из погреба, катык! А тут ещё разносо-

лы: солёные огурцы, капуста, накрошенная вперемежку с морковью. Виркэ-джинги протянула мне толстый ломоть ржаного хлеба.

И хотя у меня давно уже голодные волки выли в животе, но я старался сдерживать себя, ждал, когда к еде приступят взрослые. И тут прозвучала команда: «Айда, парень, не подкачай!»

Не волнуйся, Питэй-джизни, я не подкачаю! Моя деревянная ложка прямо летала между чугуном с картошкой, глиняной миской с катыком и моими губами. Мне не хватало рук, чтобы успевать запихивать в рот листья солёной капусты и хрустящие кружочки огурцов! Мама тихонько сказала: «Получше жуй, сынок! Придержи коней!» Питэй-джизни услышав её, вмешался: «Да не трогай ты парня. У них пора такая. Растут они! Ешь, дружок, ешь. Подающий надежды конь, говорят, хорошо жует овёс!»

Виркэ-джинги положила передо мной второй кусок хлеба...

– Ой, суседи, – заохал Питэй, – а я ведь и позабыл совсем про картошку! Всё ещё не поднял из погреба. Я пойду, Виркэ. После чая выходите и вы...

– Не беспокойся, Питэй, – сказала мама. – Мы сами поднимем. Много ли нам нужно.

– Нет уж. Вы – гости! Отдыхайте...

– Начти, где ты ходишь? Чаю подавай, – скомандовала Виркэ-джинги.

Я только теперь заметил, что Настя не сидела с нами за столом. Она притащила пузатый, блестящий на солнце самовар-краснобай, и осторожно поставила на стол. У неё было такое же, как у матери, льняное платье в клетку. Сразу видно, домотканое. Полдеревни у них в таких ходит...

Настя, не поднимая глаз, налила всем чаю. На столе появились плошки с красным кортом* и жёлтым кружком сливочного масла, в деревянной тарелке слезился золотой слезой сотовый мёд. Настя, всё ловко расставив, встала в сторонке.

* Джизни (тат.) – муж старшей сестры, джинги – жена старшего брата.

* Корт (тат.) – творог, вскипячённый до покраснения.

– Она у нас никогда не садится за стол, когда в доме гости, – призналась Виркэ-джинги. – Стесняется!

Кстати, и мы тоже никогда не торчим около взрослых и гостей. Не принято. Будь ты трижды голоден, не показывай вида, не подходи к столу!

Пока я смотрел в сторону Насти, Виркэ-джинги, перемешав мёд с маслом, густо намазала его на ломоть хлеба и протянула мне.

– Всё своё. Ничего нет покупного. Угощайся, сынок, с удовольствием.

Ну и живут же эти кряшены! Всё-то у них есть, прямо стол ломится от разных кушаний, а мы даже картошку и ту у них покупаем!

Я облизал ложку и отложил её в сторону, поднял глаза и тут увидел Настю, подглядывающую за мной. Только на миг встретились наши глаза, и она тут же вновь спряталась за занавеской. Я только успел заметить, что и занавеска была из той же ткани в клетку, что и платье кряшенки. Оказывается, это правда, что кряшенки прядут льняную паклю, красят пряжу, ткют ткани и шьют из неё. Ещё кряшены валяют валенки из чёрной и белой шерсти вперемежку. Хорошо они мастерят сани, телеги и конскую сбрую, поэтому у них и хозяйство крепкое.

– Иди, сынок, к Питэю-джизни, – говорит мне мама. – Скоро и я выйду...

Мама подняла руки к лицу и начала шептать слова молитвы. Вдруг она запнулась и удивлённо посмотрела в сторону хозяйки. Что это, мол, она не даёт хвалу Аллаху, не благодарит за еду? Виркэ-джинги встала в углу, где висела почерневшая от времени и копоти икона, и перекрестилась.

Потом они улыбнулись друг другу. Не зря говорят, вера разная, да бог один!

В сарае Питэй-джизни копошился среди бочек и ящиков.

– Ну как, парень, подкрепился? Тогда подойди сюда. Я подам снизу, а вы с Начтей принимайте!

Он спустился в погреб. Вскоре оттуда дохнуло холодком, и появилась пер-

вая кадушка, потом вторая, третья.... Мы принялись их оттаскивать в сторону. Настя оказалась крепкой и проворной, хоть и ростом была меньше меня. Кадушки перекачивала играючи. Конечно, я не мог перед ней позориться. Вместо того, чтобы катить кадушку, я её обхватил и понёс. И как на грех дужка оказалась из гнилого лыка. Эх! С грохотом кадушка стукнулась о землю, и по всему двору запрыгали солёные огурцы. Настя отвернулась и прыснула со смеху...

Если б это случилось дома, то ремня бы мне не избежать! Хотя откуда у нас солёные огурцы? Это только кряшены мастера квасить капусту да солить огурцы.

Не знаю, сколько прошло времени, пока мы таскали кадки, но руки уже гудели и ноги дрожали от усталости.

– Ну где там ваши мешки? – наконец спросил Питэй-джизни у мамы. – Спускайтесь вниз, выбирайте картошку сами. И писмиллу* свою не забудьте, – добавил он, потрепав меня по голове.

Почему нам пришлось поднимать и оттаскивать столько бочек и кадушек, я понял лишь когда спустился в погреб. Он оказался в два яруса. Картошка хранилась на первом, и чтобы добраться до неё, надо освободить второй, на которой стояли разные соленья.

Наконец, немного продрогшие, мы выбрались из погреба на божий свет. Вся наша картошка были сложена в три мешка. Немного передохнув, мы все вместе начали перетаскивать кадушки и бочки вниз. Кажется, им не было конца!

И вот, Питэй-джизни крикнул:

– Сделаем небольшой пиримин**! Половина уже есть. После чая сам спущусь и доделаю. Да уже и вечереет. Двадцать вёрст топать-то не шутки, на ночь глядя. Лучше завтра, с утра пораньше, двинетесь!

Маму долго уговаривать не при-

* Писмилла (от искажённого «бисмилла» – начало мусульманской молитвы).

** Пиримин (от искажённого «переме́на»).

шлось, видать, устала. Я, признаться, тоже. На ужине выпил только чая с молоком, а к жареной картошке даже не притронулся. Питэй-джизни удивлённо посмотрел на меня.

– Ты что это, парень, ничего не ешь? Устал, что ли? Когда устаёшь, сначала всегда так бывает – совсем не хочется есть, но потом живот как начнёт свистеть! Начти, ты где? – окликнул он дочь. – Вот, отрежь хлеба. Возьмите огурцов из разбитой кадушки и сходите в лес за берёзовыми вениками. Сегодня же суббота, у нас банный день. Кряшенская баня не хуже татарской будет!

Когда я вышел во двор, Настя уже ожидала меня с узелком. Платье в клеточку и узелок в клеточку, отметил я про себя.

– Долго не ходите, слышь, Начти, – предупредил нас Питэй-джизни и протянул два мочёных яблока. – Как придёте, ещё воды надо будет натаскать в баню...

В берёзовой рощице я принялся ломать молодые ветки, а Настя развернула узелок на лужайке и достала мочёное яблоко.

– Кабир, – впервые она назвала меня по имени. И хоть мне и не нравилось, когда моё имя искажали, но в этот раз не в счёт. – Тебе нравится мочёное яблоко?

Откуда мне было знать! Я ещё ни разу в жизни не пробовал мочёного яблока, но соврал, что нравится. Потом, когда надкусил мягкое яблоко и изо рта брызнул солоновато-сладкий сок, то понял, что не соврал. Яблоко было сочным и необычным на вкус. Оно освежало на жару, и пить уже не хотелось вовсе...

Оказывается, Настя только при родителях такая молчунья, а так, она в точности, как своя мама, рассыпала слова, как горох. Обо всех рассказала, только о себе забыла!

Вот, Настя, смахнув крошки с подола, завязала остатки ужина в узелок и, улыбнувшись озорно, вознесла руки помусульмански, делая вид, будто молится: «пис-пис-писмулла». Потом резко вскочила на ноги и толкнула меня. Я не

удержался на ногах, покатился с бугорка кувырком, а она в мгновение ока, скрылась за берёзами.

Она бежала во всю прыть по опушке, по майской траве, по весенним цветам! Вот думаю, поймаю, вот схвачу за платье, вот толкну в траву, как она меня, но не тут-то было. Бежала она, как заяц от собаки, делая неожиданные прыжки то влево, то вправо...

Если бы она не споткнулась, то я бы её ни за что не догнал! Точнее, мы споткнулись оба и полетели кубарем в кусты...

Я увидел близко-близко её оцарапанное колено и завернувшийся подол, под которым ничего не было. Совсем ничего! У меня закружилась голова, по телу побежали мурашки... Настя смутилась и быстро оправила на себе платье. Наши глаза встретились, и вдруг я увидел тот самый утренний цветок. Именно такого цвета были Настины глаза!

– Твои глаза, как этот цветок, – промямлил я, доставая из кармана памятый за день стебелёк.

– Ну, пойдём, что ли, берёзку ломать? – предложила она, как будто бы не услышав меня.

Я взял нож и начал молча срубать молодые весенние ветки берёзы. Настя собирала их и складывала на опушке.

– Ты вяжи веники, а я пойду, поищу душицы, – сказала она и ушла.

Я посмотрел ей вслед и вдруг увидел целое море тех самых цветов. Я стоял зачарованный, позабыв о вениках!

Когда мы вернулись, взрослые уже отдыхали от работы и ждали только веников, чтобы отправиться в баню. Я услышал обрывок разговора Виркэджинги с мамой.

– Да, нынче опоздали вы посадить картошку-то. Уже трава поднялась...

– Алла бирса*, догонит...

В бане я париться не стал. Кое-как ополоснулся и отправился спать.

* Алла бирса (тат.) – Бог даст.

На следующий день мама разбудила меня даже ещё раньше, чем вчера. На стол подали горячий буламук*, заправленный топлёным маслом. После завтрака Виркэ-джинги наложила буламук в глиняную чашу, завернула в клетчатую салфетку и подала маме.

– Возьми, дорога-то не близкая. А чашку как-нибудь потом забери, когда пойду на базар в Исаматово.

Когда мы уходили, Настя ещё спала на полу в сенях.

Теперь уж нагруженную тележку, хочешь не хочешь, а надо было тянуть вдвоём. Особенно в горку. Когда дошли до околицы, мама сказала:

– Говорят, если заводишь дружбу с русскими или кряшенами, берегись – держи топор наготове. Не знаю, кто это выдумал, но это неправильно. Вон, какие они добрые, сколько семенной картошки дали бесплатно!

Прошли околицу, миновали берёзовую рощу, глядь, а нам навстречу идёт Настя!

– Ба, доченька, ты же, кажется, спала, когда мы уходили. Откуда ты?

– Телёнка погнала на пастбище.

– Телёнка? – удивилась мама.

Но я-то знал, что телят не гоняют на пастбище так рано, а отправляют после коров. А у них и коровы-то ещё оставались на улице. И потом, почему мы её не видели? Значит, она пробежала огородами, а бегать-то она мастерица!

– У нас летом джиен будет, сабантуй, – сообщила Настя. – В первое воскресенье июня. Приходите на майдан, Аниса-апа с Кабиром, приходите!

Когда на обратной дороге мы вышли на то самое поле, я вновь увидел те цветы.

И название им появилось само собой. Настины глазки! Есть же, Анютины глазки, тогда почему бы и Настиным не быть?!

Домой вернулись только после полудня. Сообща, вместе с соседями успели до заката посадить всю картошку...

* Буламук (тат.) – картофельное пюре вперемежку с мукой.

А на кряшенский сабантуй – джиен, я отправился один. Так как сабантуй начинается очень рано, то вышел я накануне вечером...

Хотя уже было довольно поздно, но Виркэ-джинги с Настей не оказались дома. Питэй-джизни зажёл керосиновую лампу, накормил меня пирогами с капустой и постелил на топчане в сенях. А поутру, когда я проснулся, Настя уже убежала. Виркэ-джинги сказала, что ушла с подружками на джиен. В трёхлитровой банке на веранде стояли те самые цветы, которые я назвал «Настины глазки», над ними кружил шмель. Вчера их не было, это я точно помню!

На поле, где должен был состояться джиен, соревнования ещё не начались, и только девушки тут и там водили хоровод и пели странную песню. Мне запомнились такие необычные слова, воспевающие какой-то сказочный позолоченный сверху донизу трактор:

**Золотой радиатор,
Золотой регулятор,
Золотой карбюратор,
Золотой магнето...**

Чем больше собиралось кряшен, тем больше становилось и хороводящих кругов. У нас хороводы водят только молодые, а здесь все подряд: и подростки, и девчушки, и взрослые джинги, и даже старушки!

Когда я в поисках Насти подошёл к очередному кругу, меня заметила какая-то пожилая джинги и начала выкрикивать, одновременно хлопая в ладоши.

– Гости, гости пришёл! Девчата, айда, давай встречайте!

И тут я увидел Настю! Она, распевая со всеми «золотой радиатор», выскочила в центр круга и принялась лихо отплясывать. Наконец, она, топнув ногой, остановилась и посмотрела на меня. Кто-то шепнул мне на ухо: «Теперь тебе положено плясать. Твоя очередь! Ты её гость!» Вот тебе на! Приходится повиноваться – раз ты гость. Меня вытолкнули в середину круга, и он заметно расширился. Делать нечего, пришлось отплясывать, не даром я брал

призы на районном фольклорном фестивале! Правда, плясал я по-нашему, по-татарски.

Поровнявшись с Настей, я остановился и притопнул, как это делали взрослые парни в нашей деревне, и протянул ей руку. Настя взмахнула руками, как птица, и вошла со мной в круг. Я увидел «Настины глазки» близко-близко, всё кружилось вокруг, и только глаза стояли неподвижно. Так мне показалось....

Наш парный танец закончился после третьего или четвертого «карбюратора». Земля ходила ходуном, и я качался как от шквального ветра! Кто-то хлопнул меня по плечу и сказал: – Маладис!*

Незнакомые люди угощали меня семечками да орехами. Несколько раз наливали холодное пиво – сыра. Ну, теперь я уж и вправду захмелел...

Вдруг из толпы вынурнула Настя.

– Долго же ты спишь, оказывается, – сказала она, смеясь своими «цветами». – Ну, здравствуй!

Мы уже успели станцевать с ней, а поздороваться, – ещё нет.

Кряшенский сабантуй не похож на татарский, а точнее, каждый из них своеобразен и по-своему хорош. Например, здесь не лазают на гладко выструганный столб за петухом, а керэш** судят вовсе не аксакалы в тубетейках, как у нас, а мужики с красными повязками на рукаве. На состязаниях участвуют все вместе. И хороводы водят, и песни поют, и пляски танцуют, и пиво пьют... сообща. Везде и стар и млад – вместе!

После хороводов пришло время первому состязанию – женскому забегу. В пёстрой толпе образовался коридор, и болеющие стороны со всех концов начали выкрикивать имена своих бегуний.

Мимо нас пробежала девушка. В губах она сжимала щепку, а лицо её было раскрасневшимся. Я еле признал в ней

Настю. Ты смотри-ка! Среди всех кряшенок Настя – первая! Бегущие следом отстали от неё шагов на двадцать-тридцать...

На финише я подошёл к ней: она, согнувшись в три погибели, дышала шумно и глубоко. Вскоре появилась Виркэ-джинги, в руке она держала красный фабричный платок с цветочным узором.

– Начти, доченька, это твой приз! Ай, какой кароший! Красивый!

Но Настя, к моему удивлению, не обрадовалась, а даже наоборот, изменилась лицом и возмутилась:

– А где галоши? – из глаз её – цветов, закапала крупная роса. – Обманули они меня! Решили поиздеваться! Нарочно... Я ведь первая пришла!

Я встал на колени, накрыл её несчастную голову платком и сказал первое, что пришло на ум: – Как он тебе идёт!

Всхлипывания прекратились...

Мы вернулись в Светлое Озеро. Пока шёл сабантуй, я со многими местными пацанами успел подружиться. Настя с мамой пошли готовить ужин, а мы устроились в тени под вязами. Откуда-то появились солёные огурцы, хлеб, одна на всех стопка и бутыль самогона. Мне, как гостю, налили первую. Стопку стопкой называли сами пацаны, но на самом деле ей больше подошло бы – стакан! Я пригубил не больше чайной ложки и поморщился. Это была мутная, отдающая тухлятиной жидкость. Бр-р-р!

Стопка делала уже третий круг, компания захмелела, и развалившись на траве, затянула кряшенскую песню... Наконец-то мы опорожнили эту казавшуюся мне бездонной бутыль. У меня кружилась голова, хотелось беспричинно смеяться и шутить. Вся деревня вместе с майданом качалась вокруг меня, все пели, танцевали, хохотали и лезли обниматься! Вот это был пьяный сабантуй! И пожалуй, что это главное отличие кряшенского сабантуя от татарского...

* Маладис – от русского «молодец!».

** Керэш (тат.) – национальная борьба на полотенцах.

Откуда-то появилась Настя и начала отчитывать ребят:

– Где вы ходите? Гости нашего уже утомили, наверно! И не угощали ещё, наверно!

Несколько глотков самогона добавили мне смелость. Я посмотрел Насте прямо в глаза. А они были точь-в-точь как тот цветок и сияли своими лепестками-лучами. Я был ими пронзён насковозь!

Вскоре мы с Настей уже сидели вдвоём на знакомой полянке, куда ходили за берёзовыми вениками. Мы болтали о чём-то, и вдруг она спросила, сколько мне лет. Я ответил, что тринадцать.

– А мне пятнадцать, – сказала она как-то грустно и отрешённо. Поднялась, отряхнулась и бросила мне, не глядя в мою сторону: – Айда, браток, пошли, что ли, домой... Проголодался, небось...

Убила она меня этим холодным – «браток». Хотелось сказать, давай, побудем ещё немного здесь, но я, обиженно склонив голову, проследовал за Настей. Тут заметил на обочине дороги «Настины глазки» и с какой-то непонятной злостью стал давить их каблучками, вминая в землю! Сквозь подошву я почувствовал жар этих цветов!

Я вошёл в дом. Стол был накрыт и уставлен всякими яствами. Солёности, грибы и разные пироги так и манили. Но кусок мне не лез в горло...

Я засобиравшись домой, меня отговаривали, но я соврал, что мама наказала вернуться сегодня, – завтра надо окучивать картошку. Когда сказал про картошку, то сразу же поверили. Картошка – это святое!

Всю дорогу меня мутило, а когда, наконец, я доплёлся до родной деревни и ввалился в избу, то мама всё сразу же поняла.

– Что, опоилю тебя кумушкой*? Ай-я-яй! У них-то у самих детей с младых ногтей к этой гадости приучают. Они-то привыкли, а нас татар – оно валит с ног! Эх, ты, не мог отказаться!

Промучившись, целый вечер, я дал себе зарок, больше к самогону не прикасаться! Спасибо кряшенам, сделали они мне прививку от самогона...

...И вот, по прошествии стольких лет (и не сосчитать сразу!), я снова еду в кряшенскую деревню. Ноги мои направляются в населённый пункт под названием Светлое Озеро, а вот сердце – в далёкое детство! Тут ещё из радиоприёмника понеслась поднадоевшая эстрадная песня с такими словами: «Куда уходит детство, в какие города?»

Сколько же лет мы не виделись? С того самого джиена! Хоровод, «золотой радиатор», самогон и нелепое расставание...

Прибыв в Светлое, зашёл в сельсовет, отметить командировочное удостоверение.

В обед накормили меня в деревенской столовой, дали попробовать забытый вкус кряшенской еды. Я всё не осмеливался спросить у сопровождающего о Насте-Начти. Правда, время от времени поглядывал в сторону её дома, надеясь, увидеть её, идущей мне навстречу, как это бывает в мелодрамах!

Пока завершал дела, подписывал нужные бумаги, уже стемнело. Начал было беспокоиться, и тут председатель мне и говорит:

– Куда уж ехать, на ночь-то глядя?! Переночуете у Питэя.

– У Питэя-джизни? – перехватило дух у меня.

– Джизни? – переспросил председатель, улыбаясь. – Нет, наш Питэй ещё не успел стать джизни. Он ещё совсем молодой. Неженатый холостяк, так сказать.

Разговорились. Председатель, узнав, что я «почти что земляк», сразу потеплел, перешёл на «ты». Тут же на столе появилась знаменитая «кумушка» и тарелка с солёными огурцами. Вскоре выяснилось, что «мои» Питэй-джизни и Виркэ-джинги давно уже померли. Эх, жизнь!

* Кумушка – самогон.

– Теперь в большом доме Питэя слепая тётя Начти одна проживает, – сказал председатель, как-то сконфузившись.

Я постарался не выдать своего волнения...

Помолчали, налили... Потом он продолжил:

– Тётя Начти, ведь уже давно живёт одна-одинёшенька. Сколько её знаю, всё время – одна. Её первый муж был комбайнером. Передовой работник. В сельском музее его орден хранится... Утонул вместе со своим комбайном. Да там и неглубоко-то было, быку до одного места, но... Не зря ведь говорят, пьяному море по колено, а лужа как море!

Потом другой у ней появился, не из наших. Сергеем звали. Поначалу толковый, вроде, парень был, но потом и он с «кумушкой» подружился. По ночам – лето ли, зима ли – заставлял Начти в одной ночной сорочке по деревне бегать в поисках самогонки! Бил её нещадно, как собаку...

– Что же, Настя тоже пила? – спросил я. – Слепла она от чего?

– Как тебе сказать – пила, не пила. Теперь все женщины пьют. Иные пуще мужиков пропускают. Только тётя Начти не такая была... Это уж точно. От чего слепла? Сергей, говорят, ударил её по голове, потом она в больнице лежала...

Выпили ещё по одной, и тут я, осмелев, говорю, что неплохо бы нам повидаться с ней. И рассказал о том, что в детстве дружили.

– Так в чём же дело, пошли, – предложил он.

– В это-то время? Неудобно как-то. Она, небось, давно уже спит.

– Да не спит. Это уж я точно знаю. Пошли, пошли...

Когда подошли к её дому и не увидели света в окне, я предложил повернуть обратно. Председатель засмеялся:

– Зачем слепой свет, чудака-человек!

Мы вошли. Он, пошарив по стене, сам включил свет. Посреди комнаты сто-

яла маленькая и сгорбившаяся седая старушка с бледным, как луна, лицом.

– Здравствуй, Начти! Вот, гостя к тебе привёл. Не прогонишь?

– Гостя? Ну, заходите...

И тут меня прорвало:

– Ты... Вы, наверное, уже позабыли меня, Анастасия Петровна. Питэй-джи-зи, Виркэ-джинги, мы...

– Ай, батюшки! Ай, Гуспеди! Как же можно! Что вы такое говорите? Как можно забыть твой голос! Так ведь это же ты, Кабир! Ты ли это?! Ну, здравствуй, Кабир!

Настя протянула руки мне навстречу... Мне показалось, что она видит меня.

То ли плакала Настя, то ли смеялась – по голосу трудно было понять. Я долго держал её руки в своих. Она дрожала всем телом. Глядя на нас, председатель замолк и попятился к выходу...

Она меня расспрашивала, я что-то отвечал невпопад. Я смотрел в упор на седую старушку и видел перед собой мою Начти, у которой глаза были как те цветы из нашей юности!

– Ты уж извини, в такой поздний час заявились...

– Да что ты! О чём говоришь? Я по ночам теперь вышиваю, а ложусь под утро...

И, действительно, на столе лежали разноцветные шёлковые нити и вышитая с одного конца салфетка.

– Как же ты вышиваешь? – удивился я.

– Глаза не видят, да пальцы зрячие, – рассмеялась она.

– Ну, а как различаешь цвета?

– Иногда у кого-нибудь спрашиваю, но чаще пальцы сами чувствуют. Один цвет теплее, другой холоднее. Один – гладкий, другой – шероховатый. Так вот...

И тут я увидел, что она поглаживает салфетку, на которой была вышита точная копия цветка – «Настины глазки»!

Председатель, увидев салфетку, вмешался в беседу:

– Что бы тётя Начти не вышивала, обязательно в орнаменте этот цветок будет. Это её, так сказать, фирменный знак! И что она в нём нашла? Самый обыкновенный цветок, которых в нашем березняке полным полно, хоть косою коси. Море!

Что он может понимать в цветах, этот председатель! Эхма...

Уже у порога, она прошептала мне на самое ухо:

– Хоть я и ослепла, Кабир, но цветок твой до сих пор цветёт в моей душе!

– Прощай, Начти! Прости Настя!

– Прощай, Кабир! И возьми это... – она протянула мне вышитую салфетку.

Я щёлкнул выключателем и собрался было уже выйти, как Начти окликнула меня:

– Кабир! Не выключай свет, прошу

тебя... Пусть горит... Мне так будет... Светлее!

За воротами меня поджидала машина – «золотой радиатор»! По дороге водитель заскочил в сельмаг за папиросами. Решил заглянуть туда и я. Как обычно бывает в сельских магазинах, здесь все товары лежали на одной полке. Гвозди, вёдра, хомуты, черенки для лопат, весовая крупа, сахар и даже книги!

Резиновые галоши, сверкающие в солнечных лучах, я заметил сразу. Я купил эти галоши и попросил водителя завернуть обратно к слепой Начти.

Со стороны посмотреть, – смешно! Вот, везёт старый ухажёр своей первой любви в подарок какие-то там галоши! Но только мы с ней могли знать, что *это* были за галоши!

Эхма, жизнь...

*Перевёл с татарского
Адель Хаиров*